

И.В. ИГНАТЧЕНКО

А. ТЬЕР И ПЕРВАЯ КАРЛИСТСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ (1833–1839 годы)

Во французской внешней политике в годы Июльской монархии (1830–1848 гг.) испанское направление занимало исключительное место. Это объяснялось возросшим интересом Франции к средиземноморскому региону и было связано прежде всего с начавшейся в 1830 г. колонизацией Алжира. Преобладающее влияние в соседней Испании позволило бы Франции доминировать в Западном Средиземноморье. Однако стремление Франции включить Испанию в орбиту своих интересов наталкивалось на мощное противодействие Великобритании. В результате в 30–40-е годы XIX в. Испания стала одним из центров ожесточенной закулисной борьбы между двумя ведущими колониальными державами мира.

Ключевой проблемой для понимания специфики франко-испанских и англо-французских отношений в это время являлся вопрос о французской интервенции в Испанию в середине 1830-х годов. Наиболее вероятным военное вмешательство Франции в испанские дела представлялось в 1836 г. Тогда французское правительство во главе с Адольфом Тьером¹ – премьер-министром и министром иностранных дел – выступало за интервенцию. Твердое нежелание французского короля Луи-Филиппа пойти на этот шаг предопределило отставку главы французского правительства и последовавший за этим непродолжительный министерский кризис.

Тема французской интервенции в Испанию и в целом французская политика в этой стране в период первой карлистской войны (1833 – 1839 гг.) не получила должного освещения. Ни в отечественной, ни в современной зарубежной историографии нет специальных работ о французском присутствии в Испании в 1830-е годы².

Многие вопросы, связанные с так и не состоявшейся французской интервенцией, до сих пор не изучены, в частности, вопрос о том, почему глава правительства Тьер выступал за военное вмешательство в испанские дела. Биографы Тьера объясняют это личной обидой на Меттерниха, не желавшего, чтобы Австрийская монархия пошла на политический союз с Францией. Некоторые историки усматривают причину такой политики Тьера в его желании вернуться к союзу с Англией после неудачной попытки

* *Игнатченко Игорь Владиславович* – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

¹ *Адольф Тьер* (1797–1877) – французский политик, историк и либерал. В годы Июльской монархии занимал различные министерские посты и дважды возглавлял правительство (в 1836 и 1840 гг.). Автор исторических исследований “История Французской революции” и “История Консульства и Империи”. Один из основателей и первый президент (1871–1873 гг.) Третьей республики во Франции. Известен также тем, что подавил Парижскую комууну в 1871 г.

² Из существующих работ, в которых затрагивается эта тема, см.: *Renouvin P. Histoire des relations internationales*, t. 5. Paris, 1954; *Mastellone S. La politica estera del Guizot*. Firenze, 1957; *Bullen R. Palmerston, Guizot and the Collapse of the Entente Cordiale*. London, 1974; *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878 г.), т. 1. Ростов-на-Дону, 1995; *Таньшина Н.П.* Франко-английское соперничество в Испании в годы Июльской монархии. – Французский ежегодник 2008. М., 2008. Однако во всех этих исследованиях основное внимание уделено теме “испанских браков” 40-х годов XIX в.

сблизиться с Австрией³. На наш взгляд, ответ на этот вопрос следует искать прежде всего во внутривнутриполитических событиях в Испании.

Почему Тьер считал интервенцию в соседнюю страну возможной, своевременной и был уверен в ее успехе, в то время как король называл эту затею опасной? Как воспринималась идея интервенции в Испанию французским королем и кабинетом министров в связи с быстрым развитием событий в Испании, менялось ли отношение к возможности интервенции на различных этапах? Многочисленные биографы Тьера традиционно делят его испанскую политику на два этапа: до и после дипломатического провала, связанного с официальным отказом Австрии заключить матримониальный союз с Францией с помощью брака между эрцгерцогиней Терезой и герцогом Орлеанским, сыном короля Франции Луи-Филиппа. Считается, что именно после этого отказа, официально озвученного правительством Австрии 26 июля 1836 г., отношение Тьера к испанским событиям изменилось⁴. Такая концепция представляется нам поверхностной и неточной. Она не отражает динамики изменений в подходах французского правительства к вопросу об интервенции в Испанию.

Введение в научный оборот документов из французских архивов – дипломатических донесений, обнаруженных в архиве министерства иностранных дел Франции, и личных бумаг министра иностранных дел и премьер-министра Франции в 1836 г. Тьера, хранящихся в отделе рукописей Национальной библиотеки Франции в Париже, – позволяет по-новому взглянуть на проблему французской интервенции. Использование в качестве источника многочисленных материалов французской прессы за 1836 г. способствует более детальному изучению общественного мнения Франции и его отношения к интервенции в Испанию.

* * *

29 сентября 1833 г. король Испании Фердинанд VII умер, не оставив после себя наследника престола. В борьбу за трон вступили его последняя жена Мария Кристина вместе с их несовершеннолетней дочерью Изабеллой и брат короля Дон Карлос. 20 июля 1833 г. специально созванные кортесы уже присягнули на верность трехлетней Изабелле, а после смерти Фердинанда (т.е. через три месяца после присяги) до совершеннолетия дочери регентшей была объявлена ее мать Мария Кристина. Недовольный решением кортесов Дон Карлос объявил себя законным королем Испании под именем Карла V и поднял восстание. Так в Испании началась гражданская война, названная первой карлистской войной (1833–1839 гг.). Консервативные силы поддержали Дона Карлоса, а опорой Марии Кристины стали испанские либералы.

Разгоревшаяся борьба за престол затронула интересы европейских держав и потому привлекла их пристальное внимание. 22 апреля 1834 г. Великобритания, Франция, Испания и Португалия заключили Четверной союз, одной из задач которого явились вооруженная борьба со сторонниками Дона Карлоса – карлистами и, соответственно, поддержка испанских либералов. Консервативные державы, такие как Австрия, Пруссия и Россия, напротив, поддерживали карлистов. В 1835 г. Франция отправила часть своего Иностранного легиона на помощь Марии Кристине, но в военном отношении эта помощь не сыграла большой роли. В целом можно сказать, что к 1836 г. Франция вела на испанском направлении довольно вялую, пассивную политику. Это объяснялось курсом на невмешательство в дела Испании, которого придерживалось французское правительство.

³ *Christophe R. Le siècle de monsieur Thiers*. Paris, 1966; *Castries duc de. Monsieur Thier*. Paris, 1983; *Bury J.P.T., Tombs R.P. Thiers, 1797–1877. A Political Life*. London, 1986; *Guiral P. Adolphe Thiers ou de la nécessité en politique*. Paris, 1986; *Valance G. Thiers: bourgeois et révolutionnaire*. Paris, 2007.

⁴ *Allison M.S.J. Thiers and the French Monarchy*. Boston, 1926; *idem. Monsieur Thiers*. New York, 1932; *Reclus M. Monsieur Thiers*. Paris, 1929; *Malo H. Thiers*. Paris, 1932; *Lecomte G. Thiers*. Paris, 1933; *Lucas-Dubreton G. Aspects de Thiers*. Paris, 1948; *Pomaret Ch. Monsieur Thiers et son temps*. Paris, 1948; *Roux G. Thiers*. Paris, 1948.

В конце февраля 1836 г. во Франции сменился кабинет министров. Новым премьер-министром и министром иностранных дел стал Тьер. При нем французская политика по отношению к Испании получила новый импульс, что не удивительно, если учесть высказывания и оценки Тьера, сделанные еще до назначения его премьер-министром. В своих парламентских речах он неоднократно заявлял о вечных интересах Франции на Пиренеях еще со времен Людовика XIV⁵. Важность испанской темы усиливалась и в связи с подписанием Четверного союза, подтвердившего союз Англии и Франции и обязавшего эти страны оказывать помощь испанскому правительству. Оно сменилось несколько ранее, 14 сентября 1835 г., и возглавил его либеральный банкир Хуан Альварес Мендисабаль. Основными проблемами, стоявшими перед его кабинетом, были в то время сложная финансовая ситуация в стране и постоянные военные неудачи мадридского правительства. Надеемся хотя бы отчасти улучшить экономическую ситуацию, министерство Мендисабала в начале 1836 г. приняло ряд декретов, основной целью которых была экспроприация церковной собственности⁶.

Общественное мнение во Франции неоднозначно восприняло эти меры. В рядах легитимистов, сторонников свергнутой в ходе революции 1830 г. династии Бурбонов, усилилось недовольство экономической политикой, проводимой Мендисабалем. Такая реакция вполне закономерна: легитимисты с самого начала были враждебно настроены по отношению к Марии Кристине. Однако последние действия испанского правительства носили еще и ярый антиклерикальный характер. Так, для привлечения дополнительных ресурсов, регентша приказала даже расплавить колокола церквей, и это возмутило многих французских католиков⁷.

С принятием жестких и непопулярных мер экономическое положение Испании не улучшилось⁸. Не помогли испанской экономике и щедрые вливания французских банкирских домов и правительств Англии и Франции⁹. В военном отношении дела мадридского правительства тоже пребывали в плачевном состоянии: войска Дона Карлоса перешли в наступление и добились определенных успехов.

Между тем прошедшие в марте 1836 г. парламентские выборы в Испании показали, что там побеждают левые – сторонники реформ. Французское правительство беспомощно наблюдало за весьма быстрым ухудшением ситуации. Тьер писал французскому послу в Лондоне генералу Ф. Себастиани: “Новости из Испании удручающие. С одной стороны, карлисты завоевывают северные провинции. С другой стороны, нынешние выборы проходят в духе самого экзальтированного либерализма, а методы, используемые революционерами для запугивания избирателей, дают основание опасаться, что этот результат почти повсюду может повториться”¹⁰.

Больше всего французское правительство беспокоил вопрос о том, что “радикалы, формировавшие подавляющее большинство кортесов, решительно настроены восстанавить, возможно, кроме некоторых изменений, конституцию 1812 г.”¹¹. Эта конституция носила подчеркнуто демократический характер и лишала государя почти всякой власти. Таким образом, вырисовывалась непривлекательная для французских либералов картина: либо в Испании восторжествуют легитимисты, либо эта страна погрузится в революционную анархию, которую они связывали с “экзальтадос” (exaltados), радикалами, сторонниками конституции 1812 г., самой демократической в то время в Европе. Оба сценария были для французского правительства нежелательны. Нежелание видеть легитимистов во главе Испании понятно: ровно шесть лет назад француз-

⁵ Thiers A. Discours parlementaires, v. 2–3. Paris, 1879; v. 2, p. 201; v. 3, p. 181.

⁶ Temime E., Broder A., Chastagnaret G. Histoire de l'Espagne contemporaine de 1808 à nos jours. Paris, 1979, p. 47.

⁷ La Gazette de France, 18.IV.1836.

⁸ Apponyi R. Journal du comte Rodolphe Apponyi, t. 3. Paris, 1914, p. 235, 22 avril 1836.

⁹ Ibid., p. 281, 13 juillet 1836.

¹⁰ Archives du Ministère des Affaires Etrangères (далее – ААЕ), Correspondance politique, Angleterre, 1836, v. 647, fol. 49.

¹¹ Ibid., Espagne, 1836, v. 771, fol. 56. Rayneval – Thiers, 5 mars 1836.

ские либералы в ходе Июльской революции 1830 г. свергли в своей стране режим Карла X, не считавшегося с мнением парламента, после чего французские легитимисты оказались в непримиримой оппозиции режиму Луи-Филиппа. Радикалы представляли собой другую крайность и могли, вероятно, ассоциироваться у французских руководителей с анархией и беспорядками, что наводило на мысль о недавнем революционном прошлом Франции. Заметим, что современная мировая историография относит “экзальтадос” к левым либералам¹².

Уже с середины марта 1836 г. во французской прессе стали упорно муссироваться слухи об интервенции в Испанию. Демократическая газета “Насьональ” одной из первых начала кампанию в поддержку интервенции, выразив уверенность, что Тьер благосклонно отнесется к идее отправки новой помощи Марии Кристине, в то время как Луи-Филипп воспримет эту идею враждебно¹³.

По просьбе Великобритании вопрос об интервенции тогда действительно был изучен французским правительством. Глава английского внешнеполитического ведомства лорд Пальмерстон, обеспокоенный успехами Дона Карлоса, даже отправил в Париж специального посланника Ч. Эллиса, который должен был узнать у правительства Луи-Филиппа о возможности французской интервенции в Испанию¹⁴. Тогда же генерал Себастиани проинформировал Тьера о том, что Англия, в силу договора о Четверном союзе, приняла решение о морской интервенции. Англичане хотели, чтобы целью французской интервенции стала Фонтараби – область на севере Испании¹⁵.

Тогда Франция отказалась от любого варианта интервенции. В министерстве иностранных дел полагали, что Мендисабаль может враждебно отнестись к прямой иностранной интервенции, зато он, по всей видимости, захочет заключить с Францией соглашение о взаимной обороне. По этому договору французское правительство предоставило бы в распоряжение Испании 25 тыс. солдат, официально не вмешиваясь в ее дела. Позднее, уже в середине апреля 1836 г., Мендисабаль попросил отправить в Испанию от 50 до 60 тыс. солдат¹⁶.

Уклончивость Мендисабалья, его двусмысленная позиция по вопросу о французской интервенции, была одним из аргументов, выдвинутых Тьером в ответе британскому правительству, которое должен был официально озвучить Себастиани¹⁷. Тьер указал, что французская интервенция, вначале ограниченная, скоро привлечет всеобщее внимание и может спровоцировать европейскую войну. Действительно, каждый раз, когда вставал вопрос о мобилизации войск во Франции для отправки их в Испанию, “северные державы” (Австрия, Пруссия и Россия) выказывали свою обеспокоенность¹⁸. Тьер доказывал, что время упущено: следовало вмешаться на год раньше, в 1835 г., как того просила Испания. Именно Англия выступила тогда против французской инициативы. Наконец, по утверждению Тьера, общественное мнение и палаты во Франции не примут объявления интервенции.

Австрийский посол в Париже Р. Аппоньи был уверен в том, что интервенция в Испанию была невозможна. К этому выводу он пришел на основании беседы, состоявшейся между ним и сыном короля герцогом Орлеанским. Аппоньи указывал также и на то, что слишком многие во Франции и за ее пределами желали военного вторжения на территорию Испании. Правительство Великобритании, весь состав французского правительства во главе с Тьером, Ротшильды и другие денежные мешки – все они подталкивали короля к осуществлению интервенции и возврату фондов, ранее предоставленных ими взаймы Марии Кристине¹⁹.

¹² Carr R. Spain. 1808–1975. Oxford, 1983; Temime E., Broder A., Chastagnaret G. Op. cit.

¹³ Le National, 20.III.1836.

¹⁴ Apponyi R. Op. cit., t. 3, p. 234.

¹⁵ AAE, Correspondance politique, Angleterre, 1836, v. 647, fol. 45.

¹⁶ Ibid., Espagne, 1836, v. 772, fol. 54. Rayneval – Thiers, 17 avril 1836.

¹⁷ Ibid., Angleterre, 1836, v. 647, fol. 63. Thiers – Sebastiani, 18 mars 1836.

¹⁸ Ibid., Prusse, 1836, v. 287, fol. 52. Bresson – Thiers, 9 mai 1836.

¹⁹ Apponyi R. Op. cit., t. 3, p. 241.

31 марта 1836 г. Тьер в депеше к французскому послу в Мадриде А. Райневалю объяснял отказ от интервенции невозможностью получить согласие палат, а без их согласия, подчеркивал он, не последовало бы и одобрение со стороны короля²⁰. Тьер и сам считал это предприятие опасным и рискованным, о чем он откровенно признавался в личной переписке генералу Себастиани²¹. Вероятно, Тьер надеялся, что интервенция не потребует, поскольку Дон Карлос контролировал только истощенную часть страны, плохо снабженную оружием и продовольствием. Поэтому во Франции рассчитывали на поражение его войск²².

Известный либерал 1830–1840-х годов Л. Фоше в переписке с доверенным лицом иначе объяснял французский отказ от интервенции: “Вы, видимо, знаете, почему интервенция в Испанию провалилась. Лорд Пальмерстон предложил нам занять территорию, прилегающую к Бискайскому заливу и Наварру. Английский корпус занял бы Каталонию и Балеарские острова. Вероятно, это условие все и остановило. Английское правительство действовало слишком эгоистично по отношению к нам”²³. То, что англичане отводят Франции второстепенную роль в Испании, многие французские общественные и политические деятели осознавали уже в 1836 г. Все главные стратегические пункты в Испании англичане хотели оставить за собой.

Стремление Великобритании оказывать единоличное влияние в Испании позднее спровоцировало определенные трения между Парижем и Мадридом. Англичане, желавшие повсюду обеспечить свое торговое превосходство и пользовавшиеся тем, что Мендисабаль был большим англофилом, инспирировали переговоры для заключения торгового соглашения с Испанией, которое предоставляло Великобритании исключительные торговые привилегии. Как отмечал французский историк Ж. Дроз, “требовалось решительное вмешательство тьюильрийского кабинета, чтобы помешать подписанию торгового договора между Пальмерстоном и Мендисабалем”²⁴. В ответ на происки англичан французское правительство 26 марта 1836 г. сняло блокаду с северных провинций Испании, поддерживавших Дона Карлоса. Эта мера была негативно воспринята многими французскими либералами. Легитимисты, противники блокады, напротив, были обрадованы отменой блокады. Мадрид выразил протест против действий Парижа, угрожавших стабильности испанского правительства.

Военная ситуация в Испании обострилась еще сильнее: численность войск Дона Карлоса увеличивалась и они все дальше продвигались в глубь страны. Испанскому правительству пришлось вновь обратиться к французским коллегам (несмотря на их многочисленные отказы, имевшие место в прошлом) и добиться от них ввода французских войск в Испанию. На сей раз обращение исходило от генерала Л. Кордова, главнокомандующего испанскими войсками и общепризнанного франкофила. Свое прошение об отправке 25 тыс. солдат он представил через Райневаля²⁵. Кордова был убежден, что такой контингент закончит войну довольно быстро и при этом не потребует большого количества сражений. Возможно, пытаясь надавить на французское правительство, генерал выразил намерение подать в отставку. Тьер, рассчитывавший на то, что Мария Кристина будет сдерживать английское влияние, попросил Райневаля убедить испанского генерала не уходить в отставку: он знал, что Кордова – одна из серьезных опор регентши перед лицом революции, кроме того, генерал пользовался уважением в армии.

Значительным событием во внутренней жизни Испании, сыгравшим в дальнейшем большую роль в определении французской политики на Пиренеях, стал раскол левых

²⁰ AAE, Correspondance politique, Espagne, 1836, v. 772, fol. 56.

²¹ Bibliothèque Nationale de France (далее – BNF.), Papiers de Thiers, NAF, № 20063, fol. 203.

²² Ibid., Lettre de Thiers à Rayneval du 29 avril 1836.

²³ Faucher L. Biographie et Correspondance, t. 1. Paris, 1888, p. 45–46.

²⁴ Droz J. Histoire diplomatique de 1646 à 1919. Paris, 1946, p. 327.

²⁵ AAE, Correspondance politique, Espagne, 1836, v. 772, fol. 61.

сил. Часть левых депутатов под руководством Ф.Х. Истуриса, А. Галиано и герцога А. Риваса отделилась от Мендисабалы и сблизилась с партией умеренных (*moderados*). Вероятно, определенную роль в этом расколе сыграла королева-регентша: она ненавидела Мендисабалы, которого упрекала в том, что он ведет себя с ней чересчур фамильярно. Начиная с 18 марта Райневаль стал сообщать своему руководству, что королева, не желая больше видеть подле себя Мендисабалы, в скором будущем назначит главой правительства Истуриса²⁶.

Мендисабалу все же удалось вновь сформировать правительство. Обладая уверенным большинством в парламенте, он отстранил Истуриса от должности председателя палаты депутатов – прокураторов, и тот перешел к открытой и беспощадной оппозиции. “Сеансы прокураторов, обычно такие незначительные, неожиданно приобрели большой интерес по случаю обсуждения королевского послания (имеется ввиду послание короля парламенту. – *И.И.*). Истурис, который, как известно, был недавно заменен на посту председателя палаты, не скрывал, что его отставка носила личный характер. Заверяя, что у него и в мыслях не было ничего, кроме желания избавиться от действующего правительства, он так обрисовал ситуацию, что получилась самая оскорбительная сатира, приговор не только одному министерству, но и всему порядку вещей. Каждая жалоба, основанная на достоверных фактах, была сформулирована очень ясно и понятно. Финансовые махинации, разочарования в парламенте, политические побоища были беспощадно разоблачены. Мы не знаем, как узурпация сможет оправиться от этих убийственных и в финансовом, и политическом смысле обвинений”²⁷, – писала газета французских легитимистов.

Раскол левых привел к скорому падению министерства Мендисабалы. В донесении от 14 мая 1836 г. Райневаль объявил Тьеру, что министры накануне подали в отставку, но она пока не была ни принята, ни отклонена. Однако уже на следующий день, 15 мая, он проинформировал Тьера, что королева приняла отставку правительства Мендисабалы и поручила сформировать новый кабинет министров Истурису. Тот согласился. Это событие во многом предопределило позицию французского правительства по вопросу о военном вмешательстве в испанские дела.

Смена министерства в Испании была воспринята партией умеренных, “*модератос*”, с тревогой, так как они боялись непредсказуемых последствий. “Партия умеренных использовала все свое влияние на королеву, чтобы еще некоторое время сохранить Мендисабалы. Но королева ненавидела его... С другой стороны, казалось, что к этому изменению имела отношение французская интрига и что королеву подтолкнули на это советы французского посланника господина де Райневалья”²⁸, – записал в своем дневнике хорошо информированный австрийский посол Аппоньи. Действительно, пользовавшийся большим доверием регентши Райневаль с самого начала знал о планах по смещению Мендисабалы. На протяжении первой половины мая он регулярно посылал в Париж донесения, в которых более или менее точно сообщал о скором падении главы правительства Испании²⁹.

Командующий Иностранным легионом генерал Ж. Арисп информировал из Байонны военного министра маршала Н.Ж. Мэзона о смене министерства в Испании. В донесении он указал, что важную роль в смене правительства сыграли финансовые и военные неудачи. Так, Мендисабаль, несмотря на свое обещание найти деньги, смог использовать только временные уловки, не давшие продолжительного эффекта. Чтобы добиться французской интервенции, полагали в Мадриде, следует избавиться от Мендисабалы, который пришел к власти благодаря английскому влиянию. Однако действия Марии Кристины были продиктованы ультиматумом Мендисабалы, считал генерал Арисп. Его смысл сводился к удовлетворению запросов левых

²⁶ Ibid., fol. 47.

²⁷ La Quotidienne, 13.IV.1836.

²⁸ Apponyi R. Op. cit., t. 3, p. 252.

²⁹ AAE, Correspondance politique, Espagne, 1836, v. 774, fol. 63, 67, 71, 74.

радикалов и предводителя этой группировки Ф. Кабальеро, в котором Мендисабаль нуждался для сохранения большинства в кортесах. Мендисабаль требовал освободить от занимаемых постов генералов Кордову, Х. Кесаду и Р. Сан Романа. “Королева должна была либо порвать со своим министерством, либо лишиться последних гарантий безопасности. Она без колебаний отказалась подписать указ о замене генералов. Министры предложили уйти в отставку”³⁰, – сообщал в донесении генерал Арисп.

Почти никто в Испании не верил, что новый премьер долго продержится у власти. «Истурис... не сможет удержаться у власти. Мендисабаль как раз в силу своего низкого происхождения и подлости имел больше шансов на успех в правительстве, которому удастся управлять демократической частью нации. Пока он находился во главе правительства, революционная партия, можно сказать, была представлена там и, следовательно, вела себя более спокойно, чем сегодня, когда королева, выбрав Истуриса, кажется, склоняется к французской “золотой середине”»³¹, – писал Апоньи.

Проблемы начались для Истуриса незамедлительно. Уже 16 мая во время голосования по резолюции, осуждавшей политику Истуриса, 96 депутатов из 157 проголосовали за ее принятие и лишь 12 высказали свою поддержку новому главе правительства. 22 мая он распустил палату депутатов.

Поначалу Тьер не одобрял смену правительства в Испании. Оценивая произошедшие там события, он говорил о своих “печальных впечатлениях”. Однако он посчитал нужным поддержать Истуриса и попросил Райневаля побольше узнать о нем. Вместе с тем, верный союзу с Англией, Тьер приказал Райневалю переговорить с Ж. Виллье, британским послом в Мадриде³². Вероятно, Тьер побаивался, что Англия не одобрит поддержку, оказанную французским правительством Истурису. Его опасения были вполне оправданы. Так, с 23 мая французский консул в Сан-Себастьяне барон Ж. Вижан начал сигнализировать о том, что англичане не одобряют намерений Франции поддержать Истуриса³³.

Серьезный разлад между послами двух стран в связи с различной позицией в отношении к новому правительству Испании вызвал недовольство Пальмерстона. Виллье получил от него депешу, в которой английскому послу предписывалось поддерживать наилучшие отношения с Райневалем. Виллье усмотрел в этом упрек в свой адрес и попросил Райневаля засвидетельствовать хорошее состояние их двусторонних отношений³⁴. Быть может, Пальмерстон также был недоволен и тем, что Виллье не смог помешать Райневалю (в чью решающую роль в данном случае верили) спровоцировать или способствовать падению Мендисабалья.

В то время как официальные отношения между французами и британцами в Испании, при взаимном влиянии их правительств, в целом оставались удовлетворительными, недоверие между представителями двух стран не уменьшалось. В конце июня Райневаль напомнил французскому руководству, что позиция Англии враждебна по отношению к генералу Кордове и продолжает оставаться двусмысленной. “Следует задаться вопросом, – писал французский дипломат, – не стремится ли Британия обеспечить за собой морские базы?”³⁵. Точно так же думал генерал Арисп. “У нас до сих пор нет никаких новостей от генерала Кордовы, – писал он 24 мая 1836 г., – и не известно решение, которое он принял во время последней смены министерства. Его имя до сих пор связывается в Мадриде с порывами ненависти и оскорблениями, брошенными в адрес нового министерства, судьба которого станет и его участью. Именно генерал

³⁰ Ibid., fol. 76.

³¹ Apponyi R. Op. cit., t. 3, p. 251.

³² AAE, Correspondance politique, Espagne, 1836, v. 774, fol. 83.

³³ Ibid., fol. 79.

³⁴ Ibid., fol. 84.

³⁵ Ibid., fol. 87.

Эванс³⁶ готов его заменить, а Мина³⁷ должен сменить Кесаду³⁸, убитого в августе в Мадриде, если Мендисабаль вернется в правительство. Необходимо отметить, насколько так называемая “английская партия” была активна в данных обстоятельствах. Именно Виллье появился на балконе с Мендисабалем, чтобы поблагодарить тех, кто поддерживал на прошедших выборах бывшего главу правительства, и вопрос заключается как раз в том, чтобы отдать управление войсками англичанину. Эти события приближают оккупацию Сантандера, Сантоны, Бильбао и Гибралтарского пролива англичанами. Остается только осмыслить эти факты³⁹, – предостерегал генерал Арисп.

Враждебность между Францией и Англией спровоцировала инцидент между военными моряками двух стран: командир французского судна, дрейфовавшего в Гибралтарском проливе, отказался отплыть на другое место, на чем настаивал командующий британским флотом. Англичане заявили, что французы хотели таким образом помочь карлистским войскам. Французы ответили, что всего лишь помешали британцам, стремившимся исключительно к личной выгоде, овладеть крепостью, никому не угрожавшей. В этой связи Тьеру пришлось написать морскому министру адмиралу Г. Дюперре письмо, где он напомнил своему коллеге о тесном союзе между французским и английским правительствами в отношении Испании и о том, что французские моряки не должны о нем забывать⁴⁰. Глава министерства иностранных дел Франции хотел успокоить английское правительство, подтвердить благожелательность французской стороны, показать, что его внешнеполитические инициативы – сближение с “северными державами” – не означают отказа от союза с Англией, и продемонстрировать таким образом свою верность Четверному союзу.

Вероятно, Тьер желал бы активнее поддерживать испанскую регентшу – ведь война с Доном Карлосом позволяла Франции бороться также и с влиянием там “английской партии”, однако ему приходилось учитывать позицию Луи-Филиппа. По многим вопросам, включая и испанский, который очень интересовал короля, Тьер имел с ним личные беседы, что в свою очередь усиливало влияние Луи-Филиппа на принятие решений. Французский король считал, что слишком активная политика в Испании – это скользкий путь, ведущий к войне в Европе.

Новым поворотом в испанских событиях явилось несколько победоносных наступлений карлистов в начале июля 1836 г. в Кастилии, Каталонии и Валенсии. Группе карлистов, укрепившейся в Фонтараби, удалось отбить натиск англичан, значительно превосходивших их по численности. Военные поражения от карлистов усилили и без того серьезные противоречия между главнокомандующим испанскими войсками генералом Кордовой и английским генералом Эвансом. Англичане более чем когда-либо желали замены Кордовы. Они обвиняли его в том, что он неспособен сдерживать наступление сил карлистов⁴¹. Как вспоминал К. Меттерних, англичане боялись любой победы Дона Карлоса в Испании. Посол Великобритании в Вене даже сообщил австрийскому канцлеру, что единственная задача Великобритании в Испании – это стремление помешать Франции стать там хозяйкой. Британский посол добавил: “Наша сила – в королеве Изабелле: она не находится под английским влиянием, но Дон Карлос подпадет под французское”⁴². Это высказывание английского посла сле-

³⁶ *Генерал Л. Эванс* – главнокомандующий английским экспедиционным корпусом в Испании.

³⁷ *Генерал Ф. Мина* – общевойсковой командир в Каталонии, где он вел себя как местный царек. Тьер жаловался на его враждебное отношение к Франции (AAE, Correspondance politique, Espagne, 1836, v. 772, fol. 59), но мадридское правительство не имело рычагов давления на Мину, тем более что он пользовался большой популярностью в своих войсках.

³⁸ *Генерал Х. Кесада* – главнокомандующий мадридским гарнизоном.

³⁹ AAE, Correspondance politique, Espagne, 1836, v. 774, fol. 75.

⁴⁰ Ibid., fol. 80.

⁴¹ Ibid., v. 648, fol. 67.

⁴² *Metternich de C. Mémoires et documents divers laissés par le prince de Metternich*. Paris, 1881, p. 154.

дует трактовать в том смысле, что во Франции легитимисты еще имели определенное влияние и были представлены во власти. Дон Карлос, очевидно, никогда не забывал о поддержке, которую они ему оказывали, и в своей политике был готов ориентироваться на Францию.

Значительные успехи сторонников Дона Карлоса удивили всех без исключения, и многие во Франции стали бояться ответной реакции левых радикалов в провинциях, которые теоретически подчинялись Марии Кристине и составляли большую часть Испании. Их сопротивление могло вызвать падение кабинета Истуриса. Испанские революционеры ненавидели этого политика с того самого момента, когда он сменил Мендисабаль. Некоторые даже задавались вопросом, не выразит ли испанская палата депутатов вотум недоверия главе совета министров. Они считали, что Истурису следует вновь распустить палату.

На состоявшихся в июле 1836 г. новых выборах в парламент Мендисабаль и шесть его сторонников одержали победу в Мадриде, подтвердив, что левые радикалы остаются влиятельной группировкой в Испании. Тем не менее на этих выборах победили сторонники Истуриса, собравшие больше голосов в провинциях.

Исход голосования показался Луи-Филиппу “неприятным предзнаменованием того, чем станут следующие выборы”⁴³. Так же думал и Тьер. Райневаль придерживался иного мнения, считая, что проведенные в Испании выборы были “гораздо более удовлетворительными, чем приходилось ожидать после неприятного хода военных событий”⁴⁴.

Осложнившаяся ситуация в Испании, связанная прежде всего с военными победами карлистов и с набиравшими силу испанскими радикалами, которые ориентировались на Англию, заставила Тьера скорректировать политику в Испании. Уже с начала июля 1836 г. он всерьез намеревался усилить Иностранный легион. Так, считал он, можно будет поддержать королеву и одновременно помешать Англии полностью захватить Испанию⁴⁵. Вместе с тем такое военное вмешательство не воспринималось бы испанским населением как интервенция французов и не ассоциировалось бы у испанцев с агрессией Наполеона I или с французской интервенцией 1823 г. В письме генералу Ариспу, командовавшему Иностранным легионом, Тьер предложил увеличить численность легиона более чем на тысячу человек. Таким образом, общая численность Иностранного легиона составила бы 6 тыс. человек⁴⁶. Согласие на это было получено Тьером у Луи-Филиппа. Стоит также отметить, что Тьер отдавал различные приказы Ариспу напрямую, минуя военного министра Мэзона.

Победа Истуриса на июльских парламентских выборах очень скоро обернулась для него поражением. Райневаль в конце июля указывал, что “положение в Испании крайне удручающее”. Он отмечал также, что “партия радикалов смирилась и отложила свои проекты. Они надеются, что серьезный успех будет им обеспечен, только если они будут располагать большинством в кортесах. Боязнь обмануться в своих надеждах (не получить большинства в парламенте. – *И.И.*) подталкивает их вновь прибегнуть к насилию и к мятежу, чтобы захватить власть”⁴⁷. Отказавшись от продолжения политической борьбы в рамках существовавшего законодательства, испанские радикалы действительно встали на путь насилия.

25 июля 1836 г. в Малаге вспыхнуло восстание. Были убиты гражданский и военный правители этого крупного портового города, а также провозглашена конституция 1812 г. Восстание было вызвано несколькими причинами. Современники событий в основном полагали, что его спровоцировали англичане: в испанских портах, и прежде

⁴³ BNF, Papiers de Thiers, NAF, № 20064, fol. 89. Billet de Louis-Philippe à Thiers du 20 juillet 1836.

⁴⁴ AAE, Correspondance politique, Espagne, 1836, v. 774, fol. 93.

⁴⁵ Dosne E. Mémoires de Mme Dosne, l'égérie de Thiers, t. 1. Paris, 1928, p. 89.

⁴⁶ BNF, Papiers de Thiers, NAF, № 20064, fol. 93.

⁴⁷ AAE, Correspondance politique, Espagne, 1836, v. 774, fol. 95.

всего в Малаге, важным источником доходов был ввоз контрабандой английских товаров. Возврат к французскому влиянию (считалось, что Истурис поддерживает французов) сделал бы контрабанду крайне затруднительной, в то время как раньше, при англофиле Мендисабале, на нее просто закрывали глаза. Британские агенты вполне могли поведать об этом населению Малаги и тем самым спровоцировать народное недовольство. Отношение британского посла в Мадриде, не осудившего восстание, и пассивность британских войск Эванса выглядели довольно двусмысленно. Очень может быть, что бунт, главной целью которого являлось противодействие французскому влиянию в Испании, спровоцировал, не докладывая о своих действиях Пальмерстону, именно Виллье.

Восстание в Малаге очень быстро перекинулось на другие крупные испанские города. Большинство городов юга Испании провозгласило конституцию 1812 г. 1 августа 1836 г. Сарагоса на северо-востоке страны объявила себя независимой от правительства Истуриса. Французский агент Э. Буа ле Комт, посланный в Мадрид на помощь Райневалю, докладывал Тьеру: “Общественное мнение приписывает английской дипломатической миссии активное участие в движении, которое только что прокатилось по Испании. Такое серьезное обвинение требует не только косвенных, но и прямых доказательств. Поскольку я не могу этого доказать, я замолкаю”⁴⁸.

Однако происки англичан, стремившихся подорвать французское влияние в Испании неконституционными методами, не до конца объясняют, почему движение в пользу конституции 1812 г. так быстро распространилось по всей территории Испании. Многие испанцы, противники карлизма, наблюдая за последовательными провалами Истуриса и генерала Кордовы, считали, что Испании необходимо другое правительство – сильное, способное дать новый импульс борьбе против Дона Карлоса. Возможно, некоторые были недовольны Истурисом из-за того, что ему не удалось добиться французской интервенции.

Чтобы спасти Истуриса, Тьер по дипломатическим каналам обратился к Пальмерстону с просьбой добиться от Мендисабала гарантий поддержки Истуриса. Пальмерстон формально согласился оказать содействие, но не взял на себя никаких обязательств⁴⁹.

События в Испании развивались гораздо быстрее, чем могло предположить французское правительство. Министр финансов А. д’Аргу, уехавший 7 августа для прохождения курса лечения на один из оздоровительных курортов в Пиренеях, писал Тьеру, что ситуация в Испании в целом ужасающая: “Везде безвластие, нет способного руководства, нет денег. Иностранный легион сделал большое дело, но сила его ослабевает, а он единственный, кто продемонстрировал хоть какую-то энергичность; англичане стали абсолютно безразличны. Эванс и его войско зарекомендовали себя как пьяницы и грабители”⁵⁰. Французский министр финансов скептически относился к английскому военному присутствию в Испании, указывая на полную бесполезность английского экспедиционного корпуса в деле борьбы с контрреволюцией в этой стране.

Граф д’Аргу надеялся, что волнения еще можно остановить. Он считал, что приход генерала Бюжо, который должен был возглавить войска, будет иметь положительные результаты военного и психологического характера, что в свою очередь поможет испанцам, поддерживающим центральное правительство, оправиться от постоянных военных поражений. Д’Аргу неоднократно сожалел, что легион не был усилен двумя месяцами ранее (т.е. до крупных побед карлистов в начале июля): с помощью Иностранного легиона центральное правительство Испании могло бы одержать несколько крайне необходимых для него военных побед. В таком случае “волнения радикалов не произошли бы”. Его успокаивало лишь то, что “позиции Дона Карлоса ослаблены уже

⁴⁸ Ibid., v. 776, fol. 97.

⁴⁹ Lord Palmerston, sa correspondance intime. Paris, 1879, p. 114.

⁵⁰ BNF, Papiers de Thiers, NAF, № 20064, fol. 74.

с месяц... Денег абсолютно не хватает, армии не платили последние шесть месяцев. Она живет за счет истощенной страны»⁵¹.

Чтобы прийти на помощь Марии Кристине, Тьер решил превратить Иностраннный легион в настоящую армию. После прокатившихся по Испании восстаний, подрывавших устойчивость профранцузского правительства Истуриса, Тьер намеревался довести численность Иностранного легиона сразу до 10 тыс.⁵², что намного превосходило ранее оговоренную с Луи-Филиппом цифру в 6 тыс.⁵³ Для этого стали рекрутировать солдат на Корсике и в Северной Африке. Командование над только что сформированными воинскими частями Тьер собирался предоставить одному из двух видных полководцев – Б. Клозелью или Т. Бюжо. Однако в конечном счете оба они отказались от командования⁵⁴.

Тем временем карлистские войска продолжали продвигаться в глубь страны, а революционное движение охватило почти всю Испанию. Прогнозы французских легитимистов насчет того, что в итоге в Испании останутся только две политические силы – карлисты и революционеры⁵⁵ – начинали сбываться.

Истурис и испанская королева через Райневалю и Буа ле Комта запросили французское правительство, каким будет его отношение в тех случаях, если регентша примет конституцию 1812 г. или, напротив, вступит в открытую борьбу с революционным движением. Мотивом для такого запроса стали постоянные заверения французских представителей в том, что их страна усилит Иностраннный легион, но не вмешается официально⁵⁶. Луи-Филипп формально возражал против этих инициатив испанской короны, считая, как уже отмечалось, что военная интервенция союзников в Испанию может привести к европейской войне. Вместе с тем он опасался, что Франция увязнет в Испании, не имея возможности вовремя эвакуироваться оттуда. Тьер, наоборот, хотел, чтобы Франция сделала все возможное для поддержки Марии Кристины, для борьбы против Дона Карлоса, англичан и революционеров одновременно. Поэтому, обсуждая испанский вопрос с королем, он постоянно угрожал ему своей отставкой⁵⁷. Общение между королем и его главным министром не обходилось без колкостей и язвительности⁵⁸.

Поддержанный королем Бельгии, гостившем в Париже, и герцогом Орлеанским, наследником престола, которые всецело разделяли его точку зрения, Тьер столкнулся с возрастающим нежеланием Луи-Филиппа воевать в Испании. Король имел частые беседы об Испании с послами Австрии и Пруссии Р. Аппоньи и К. Вертером, которые полностью одобряли его позицию. Возможно, между королем и Райневалем существовала личная переписка, заставившая Тьера послать в помощь Райневалю Буа Ле Комта и дать ему инструкции, какой линии поведения следует придерживаться.

Военного вмешательства в дела Испании в то время настойчиво требовала большая часть французской либеральной прессы⁵⁹. Французским либералам не хотелось видеть в Европе режим, руководителями которого были бы революционеры. Скорее всего, они боялись влияния испанских событий на политическую жизнь Франции, тем самым разделяя опасения правительства. Конечно, гражданская война не угрожала Франции, но победа левых радикалов или карлистов усилила бы позиции французских республиканцев или легитимистов, готовых представить успехи своих испанских друзей-единомышленников как собственные. Левые во Франции, напротив, боялись,

⁵¹ Ibid., fol. 77.

⁵² Ibid., fol. 69.

⁵³ *Dosne E. Mémoires de Mme Dosne*, t. 1, p. 132.

⁵⁴ BNF, Papiers de Thiers, NAF, № 20064, fol. 68, 70–79.

⁵⁵ *La Gazette de France*, 21.III.1836.

⁵⁶ AAE, Correspondance politique, Espagne, 1836, v. 776, fol. 116; BNF, Papiers de Thiers, NAF, № 20064, fol. 72.

⁵⁷ Ibid., fol. 73.

⁵⁸ *Dino duchesse de D. Chronique*, t. 2. Paris, 1909, p. 165.

⁵⁹ *La Presse*, 31.VII.1836.

что правительство, стремясь нивелировать неудачу испанских умеренных либералов, решит отправить войска для восстановления власти регентши. Французские легитимисты также выступали против идеи интервенции в Испанию. Они по-прежнему были против войны со сторонниками Дона Карлоса.

Определяющим событием, повлиявшим на принятие окончательного решения по вопросу об интервенции в Испанию, стал бунт, организованный испанскими военными в замке Ла Гранха, рядом с Мадридом, где остановился королевский двор. Регентша, оказавшись узницей в собственном замке, попыталась связаться с французским послом, чтобы просить у него совета и поддержки. Однако сделать это ей не удалось, и она была вынуждена принять конституцию 1812 г. Взбунтовавшаяся стража потребовала и в конце концов добилась отмены чрезвычайного положения, принятого в Мадриде, а также формирования нового правительства. Его возглавил левый радикал Х. Калатрава, а Истурис просто сбежал. Так осуществилось пожелание французской демократической газеты “Насьональ”, которая в день восстания в Ла Гранхе написала: “Карлисты победят своих противников, если защита испанской свободы не перейдет в другие руки. Революционное движение, возможно, принесет на первом этапе смуту и бедствия; но, используя силы всей нации, оно увеличит шансы на успех в войне”⁶⁰.

Французские левые с ликованием встретили сообщение о том, что Мария Кристина уступила давлению взбунтовавшихся солдат и согласилась утвердить конституцию 1812 г. Республиканцы надеялись, что в Мадриде наконец-то установится более демократический режим⁶¹. Они сделали вывод, что их испанские единомышленники – радикалы в конце концов решились взять дело в свои руки, опираясь на поддержку народа, крайне недовольного действиями либеральных правительств. Об этом свидетельствовало та легкость, с которой в Испании был совершен военный переворот.

Французские легитимисты позднее признавались, что уже первые народные выступления в пользу принятия конституции 1812 г. свидетельствовали о том, что регентша будет вынуждена принять эту конституцию⁶².

Тьер вместе со всем кабинетом министров уже готов был подать в отставку, когда 16 августа в Париже стало известно, что Мария Кристина была вынуждена принять конституцию 1812 г. Столь стремительное развитие ситуации в Испании очень удивило французское правительство, и в течение нескольких дней оно не знало, какую позицию ему следует занять. Позиция оставалась неизменной только в том, что касалось непримиримой враждебности к Дону Карлосу и его сторонникам⁶³.

Неожиданная новость изменила решение Тьера и его коллег уйти в отставку. Отныне помогать королеве и бороться с либеральными бунтами было уже слишком поздно. Больше того, той части парламентариев, которая требовала военного вмешательства, “стало совершенно ясно, что об интервенции не может быть и речи. Ибо невозможно вступать в бой с Доном Карлоса, не выступив за конституцию 1812 г.”⁶⁴, – писала французская либеральная газета “Ля Пресс”.

Тьер, который больше уже не мог рассчитывать на поддержку общественного мнения и депутатов французского парламента, тем не менее, отказался бросить регентшу на произвол судьбы, и, если отправка воинских подкреплений была отложена, то их формирование продолжалось⁶⁵.

Д’Аргу писал Тьеру 20 августа 1836 г., что одобряет его меры. Он считал, что если влияние Франции и Англии будет осуществляться совместно, оно без особого труда может привести Испанию к политике “золотой середины”: “Ничего хуже, чем согласие королевы, произойти не могло. Я до последнего момента надеялся, что ей удастся

⁶⁰ Le National, 12.VIII.1836.

⁶¹ Le National, 19.VIII.1836.

⁶² La Quotidienne, 12.VIII.1836.

⁶³ AAE, Correspondance politique, Espagne, 1836, v. 774, fol. 123. Thiers – Rayneval, 20 août 1836.

⁶⁴ La Presse, 20.VIII.1836.

⁶⁵ BNF, Papiers de Thiers, NAF, № 20064, fol. 85. Lettre de Thiers à Harispe du 18 août 1836.

укрыться либо в Памплоне, либо в Сан-Себастьяне, и лишь свойством ее характера могу объяснить то упорство, с которым она продолжала пребывать в Сен-Ильденфонсе (место, где находится замок Ла Гранха, летняя резиденция испанских королей. – *И.И.*). Однако не следует думать, что все потеряно. Эта революция не имеет в Испании никаких прочных основ. Массы тут ни при чем. Революция – дело лишь очень маленькой кучки амбициозных, бестолковых и трусливых бунтарей. Многие из них не знают, чего хотят. Все ощущают их слабость, они смертельно боятся успехов Дона Карлоса и вывода легиона. Они сами декларируют абсурдность конституции 1812 г. Ведя с ними переговоры и нагоняя на них страху, вполне возможно, удастся извлечь из всего этого что-то более или менее путное. Если конституцию пересмотрят только что избранные депутаты, общее влияние Франции, Англии, королевы и “золотой середины” (все согласны, что она в Испании есть), очень может быть, позволит направить кортесы на правильный путь. Мендисабаль, если только он будет министром, вполне удовлетворителен. Впрочем, он должен быть напуган результатами своей работы, наглостью победителей и перспективой своего падения, если испанцы ничего не предпримут, чтобы спасти себя. Но для того чтобы осуществлять благотворное влияние на кортесы, необходимо, чтобы два правительства слышали друг друга и действовали заодно. Умеренные желают, чтобы доминировала Франция, у карлистов такое же желание – от нищеты и усталости. Радикалы хотят опереться на Англию. Кажется, от имени Виллье они подстрекают к восстанию. Возможно, это и клевета, но дыма без огня не бывает. Король и совет министров поступили очень мудро, приказав продолжить организацию новых подкреплений, а их отправку в Испанию – временно приостановить”, – писал в доверительном письме Тьеру министр финансов Франции⁶⁶.

Как только ситуация в Испании стала понемногу проясняться, Тьер вернулся к своим прежним замыслам об отправке военного контингента в Испанию на помощь испанским умеренным либералам. Французский премьер был убежден, что, если Франция хочет по мере возможности контролировать ход испанских событий, то интервенция необходима и как можно скорее. Кроме того, Тьер и д'Аргу боялись, что отказ от интервенции будет выглядеть как отказ от союза с Англией, зафиксированного в статьях договора о Четверном союзе. Это грозило Франции полной дипломатической изоляцией. Члены кабинета министров также думали, что присутствие французской армии на Пиренейском полуострове – единственный способ защитить испанское правительство от карлистов, потому что самостоятельно испанские либералы не справятся со сложившейся ситуацией. Пассивность официальных властей Испании, считали в правительстве Франции, может привести эту страну к “преобладанию всего того, что есть воровского и кровожадного в рядах либералов”. Это значило бы “удвоить шансы Дона Карлоса и обеспечить ему определенный успех в дальнейшем”⁶⁷.

Тьер был также всерьез обеспокоен и позицией Великобритании, которая не отказалась от своего плана добиться заключения торгового договора с Испанией, чему несколько месяцев назад помешала Франция. Судя по донесениям французских дипломатов и военных в Испании, англичане с радостью захватили бы Кадис и Сан-Себастьян, сохранили за собой исключительное право на торговлю с испанскими колониями и чувствовали бы себя хозяевами испанской политики. Буа ле Комт в одной из депеш к Тьеру охарактеризовал ситуацию следующим образом: “У Англии другие взгляды, другие интересы. Она хочет отстранить регентшу, чей контроль ей мешает, а ее французский дух – стесняет. Англия присматривает за инфантой, которая, став королевой, признает законными уступки или постановления, продиктованные совету регентов британским кабинетом министров”⁶⁸.

Британский кабинет выразил недовольство по поводу французских проектов интервенции, направленных одновременно и против карлистов, и против экзальтадос,

⁶⁶ Ibid., fol. 90.

⁶⁷ Ibid., fol. 94.

⁶⁸ AAE, Correspondance politique, Espagne, 1836, v. 774.

которые де-факто ориентировались на Англию. Судя по разговорам, которые вел в Мадриде Виллье и другие британские агенты и которые затем повторил Буа ле Комт в своих донесениях⁶⁹, английское правительство решило противодействовать французской интервенции. Но вряд ли бы оно стало чинить препятствия для отправки Францией войск на север Испании для борьбы с карлистами. Главным и единственным условием британской дипломатии был отказ Франции от стремления повлиять на работу испанского правительства, составленного из радикалов. В таком случае французская интервенция только поощрялась бы англичанами.

Французский король менее чем когда-либо разделял точку зрения Тьера. Поэтому, когда генерал Ж. Лебо опубликовал в Памплоне коммюнике, в котором объявлялось о скором приходе значительных подкреплений для Иностранного легиона⁷⁰, Луи-Филипп немедленно и без консультации со своими министрами поместил опровержение в официальном правительственном издании – газете “Монитор”. По сути, это было равнозначно официальному отказу от любой идеи интервенции.

Совершенно очевидно, заявлял Луи-Филипп, убежденный противник интервенции, что французская армия потеряет свой престиж в Испании, поддерживая королеву, не популярную в народе. Король Франции боялся также английской реакции на французскую политику, слишком националистическую в Испании, но особенно его беспокоила реакция “северных держав”, в частности России и Австрии, которые не согласились бы на разгром Францией войск Дона Карлоса. Послы Австрии и Пруссии, несомненно, одобряли и поддерживали его позицию по данному вопросу. Поэтому он проявлял все возрастающую нерешительность в отношении проектов, предложенных Тьером. Дошло до того, что король потребовал распустить вспомогательные корпуса, собранные в По, области на юго-западе Франции, еще с той поры, когда правительство приняло решение отложить их отправку в Испанию. Тьер отказался их распускать и воспринял действия короля, как “начало тотального ухода из Испании”⁷¹. 26 августа он снова подал Луи-Филиппу прошение об отставке. На сей раз она была принята. Правительство Л.-М. Моле, сменившее министерство Тьера, высказалось за политику вооруженного невмешательства в дела Испании.

Первая карлистская война в Испании закончилась 31 августа 1839 г. поражением Дона Карлоса. В результате народного выступления через год из Испании бежала и регентша Мария Кристина. Новым регентом стал пробритански настроенный левый радикал, генерал Б. Эспартеро. Он немедленно назначил своим главным советником британского посла Виллье. Великобритания осталась единственной страной, оказывавшей влияние на политические процессы на Пиренейском полуострове – Португалия все это время находилась под ее исключительным влиянием.

Обычно биографы Тьера сводят вопрос об интервенции только к спору Тьера и короля. Но Тьера во Франции поддерживали широкие общественные круги: военные, банкиры, многие в окружении Луи-Филиппа, в частности наследник престола, почти весь состав правительства. Архивные документы также показывают, что в начале 1836 г. Тьер в принципе был против интервенции, в то время как его биографы утверждают, что в течение всего 1836 г. он выступал за военное вмешательство. Отношение Тьера к испанским делам изменилось в середине мая 1836 г. в связи с приходом к власти в Испании профранцузски настроенного правительства Истуриса. Именно это обстоятельство стало ключевым событием в вопросе о военном вмешательстве Франции, а вовсе не отказ Австрии от союза с Францией в конце июля 1836 г., хотя негативный ответ австрийского правительства, действительно, развязал руки Тьеру.

Необходимо подчеркнуть, что оптимальное время для французского военного вмешательства в испанские дела – период со второй половины мая (приход к власти

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Le Constitutionnel, 22.VIII.1836.

⁷¹ BNF, Papiers de Thiers, NAF, № 20064, fol. 102. Lettre de Thiers à Bois le Comte du 29 août 1836.

правительства Истуриса) до начала июля 1836 г. (крупные военные поражения либерального правительства Испании от карлистов) – был безвозвратно упущен Тьером. Он выжидал, смотрел, как будут развиваться события. В период с начала июля до первых крупных выступлений левых радикалов на юге Испании, произошедших в конце июля, Тьер тоже не предпринял никаких активных действий.

Французский отказ от интервенции можно рассматривать как упущенный шанс французской дипломатии укрепить французские позиции в соседней стране. В исторической перспективе линия Тьера на утверждение французского влияния в Испании военным путем была верной, но в обстоятельствах августа – октября 1836 г. интервенция или военное вмешательство силами Иностранного легиона были невозможны.